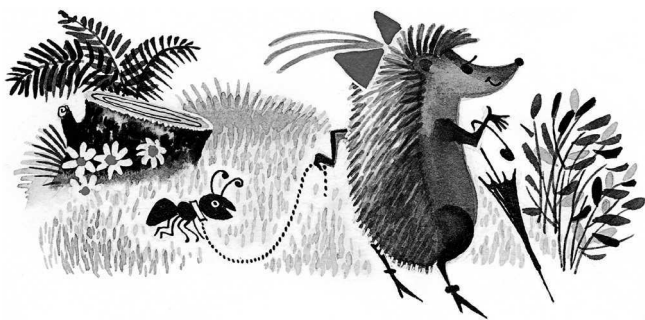
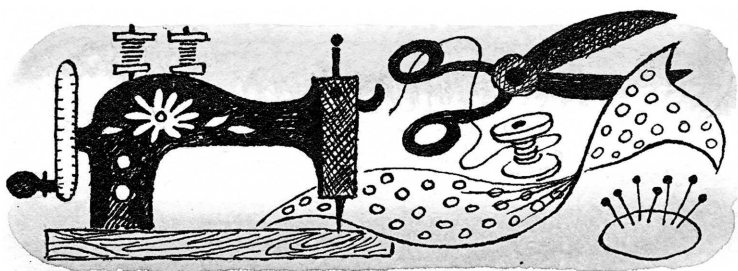

СКАЗКИ

ПРО ТОРОПЛИВУЮ КУНИЦУ И ТЕРПЕЛИВУЮ СИНИЦУ

Стала торопливая Куница шёлковый сарафан к лету кроить. Тяп-ляп! Весь шёлк искромсала — изрезала в лоскутки. И не то что сарафан — платка из этих лоскутков нельзя сшить.

Стала терпеливая Синица из холстины фартук кроить. Тут прикинет, там смекнёт, сюда подвинет, туда подвернёт. Всё она сообразила. Всё высчитала, всё вычертила, потом за ножницы взялась. Хоро-

ший фартук получился. Ни одного лоскутка не пропало даром.

Диву далась Куница. На фартук глядит — завидует:

— Где ты кройке-шитью училась, Синица? У кого?

— Бабушка меня шитью выучила.

— А как она учила тебя?

— Да очень просто. Пять волшебных слов велела запомнить.

— Каких?

— «Семь раз отмерь — один отрежь».

ЕЖИХА-ФОРСИХА

Приглянулся Ежихе-форсихе выдровый мех. Не налюбуется.

— Давай, Выдра, одёжкой меняться.

— Давай! — говорит Выдра.

Сказано — сделано. Поменялись одёжками.

Ходит по лесу Ежиха-форсиха, дорогим выдровым мехом похваляется:

— Вот я какая нарядная! Смотрите.

Учуяли собаки-разбойницы дорогой выдровый мех и кинулись на Ежиху-форсиху:

— Снимай, тётка, выдровую шубу!

А Ежиха и в ус не дуёт. Забыла, что больше она не колюча. Свернулась по старой ежиной привычке в комочек да и подзадоривает собак:

— А ну, попробуйте схватите меня!

А собаки взяли да и схватили.

Поняла Ежиха в собачьих зубах, какого она маху дала, когда свою колючую шкурку-защитницу на выдровый приманочный мех променяла. Поняла, да уж поздно было.

МАТЬ-МАЧЕХА

Снесла непутёвая Кукушка три яйца. Одно — в иволгино гнездо, другое — в желнино, третье — в щеглиное. Снесла беззаботная мать и улетела в весёлые леса куковать, годы предсказывать, людям голову морочить, свою душеньку тешить. Летала она так, куковала да и о детях вспомнила, что в чужих гнёздах росли.

— Пора мне их под своё крыло взять, — сказала кукушка. — То-то обрадуются детушки родимой матушке.

Прилетела Кукушка к иволгиному гнезду, а её кукушонок и не взглянул на мать. Иволгу матерью называет. Из её клюва кормится, на её голос откликается.

— Вон ты каков, неблагодарный! Из моего яйца проклюнулся, а

меня и узнать не захотел, — сказала в сердцах Кукушка и полетела в желнино гнездо. Увидела там кукушонка и к нему бросилась:

— Здравствуй, сыночек, мой ненаглядный. Узнал ли ты свою мать?

Испугался кукушонок невиданной им птицы, на весь лес пищит, Желну кличет:

— Матушка, лети скорее сюда! Чужая тётка хочет меня из родного гнезда унести.

Прилетела Желна и прогнала прочь Кукушку. Полетела тогда Кукушка к щеглиному гнезду. Глядит — её кукушонок Щеглиху перерос. Она еле-еле кормить его поспевает.

«Ну, — думает, — эта-то отдаст мне моего обжору».

— Бери, — говорит Щеглиха, — своего подкидыша. Я из сил выбилась, уж очень он много ест.

Как услышал это кукушонок, задрожал, замахал крылышками и жалобно-жалобно стал просить Щеглиху:

— Дорогая моя мамонька, я лучше с голоду умру, только из-под твоего крыла под чужое не пойду.

Разжалобилась Щеглиха. Тоже всплакнула.

— Да никому я тебя, мой сыночек, не отдам. Лучше часок-другой не досплю, а тебя выкормлю.

Кинулась тут Кукушка к судье — судом деток отсуживать. А судьёй в этом лесу Дятел был. Мигом дела разбирал. И кукушкино дело скорёхонько рассудил. По совести, по народной мудрости решение вынес: «Не та мать, которая деток народила, а та, что их вскормила, вспоила да на ноги поставила».

ПРОПАВШИЕ НИТКИ

Жила-была сварливая старуха. К тому же неряха. Стала как-то она шить.

А у неряхи все нитки спутаны. Распутывала их, распутывала нерадивая торопыга да и крикнула:

— Пропадите вы пропадом! Чтобы глаза мои не видели вас со всем вашим нитяным отродьем!

А нитки возьми да и пропади со всем своим нитяным отродьем: кофтами, юбками, платьями и бельём. Ничего нитяного в доме сердитой старухи не осталось. Сидит старуха гольшом и вопит на всю горницу:

— Батюшки-матушки, где же моя одежда?

Кинулась старуха за овчинным тулупом, чтобы себя прикрыть. А тулуп по овчинам на куски распался. Потому как овчинные куски тоже нитками были сшиты.

Мечется старуха из угла в угол, а по избе пух летает. Наволочки у подушек тоже из ниток тканые. Не стало в доме ни варежек, ни чулок. Ни одеял, ни половиков. Ничего нитяного не стало.

Накинула старуха на себя рогожный куль да и давай у ниток прощения просить:

— Ниточки льняные, ниточки шерстяные, ниточки хлопковые, ниточки шёлковые! Простите меня, старуху сварливую, торопливую, нерадивую. Вернитесь в мою избу.

И так-то жалобно старуха голосит-причитает, просит, что даже нитки, испокон веков молчальницы, и те заговорили.

— Назови, — говорят нитки, — половину того, что из нас, ниток, ткётся, плетётся, вьётся и вяжется. Тогда вернёмся. Простим.

— Только-то и всего? — обрадо-